

2207

Автограф в редакционном музее

ВЕЛИКИЙ ОПТИМИСТ

РЕДАКЦИОННЫЙ музей пополнился автографом Анны Ильиничны Бирюковой, вдовы советского писателя Николая Зотовича Бирюкова. Автограф напоминает о памятной крымской весне, о гостеприимном Доме-музее в Ялте, в котором мы словно пережили страницы жизни известного советского писателя, удивительно мужественного человека...

Прошедшая весна в Крыму была на редкость холодной и капризной. Кипарисы не успевали стряхивать мокрый липкий снег. Море неприветливо рябило желто-серыми бурунами. Мы, северяне, участники литературного семинара, кутались в теплые пальто, огорченно вспоминая об обещанном необыкновенном цветении миндаля.

Но тот день все-таки пришел. Еще ранним утром, залитым искристым солнцем, по звонкому пенью птиц, по тому, как беззаботно сновали по деревьям белки, мы поняли, что, наконец-то, пришла настоящая весна. И дорога в Дом-музей Н. З. Бирюкова с нашей ялтинской горы показалась легкой и радостной и незаметно привела нас в приморскую зеленую часть Ялты, к уютному дому, похожему на скворечник. На крыльце стояла подтянутая привлекательная женщина с седыми прядями в гладко зачесанных волосах. Это была Анна Ильинична Бирюкова, хозяйка Дома-музея.

Мы вошли в дом, и небольшие комнаты привычно вместили гостей, а фотостенды, витрины, хранящие пись-

ма, книги, казалось, поведут нас традиционным путем литературных музеев. Но уже с первых шагов каждый из нас почувствовал, что этот дом бережно хранит не только память о литературной деятельности Николая Бирюкова, но и ненавязчиво, ярко раскрывает историю героической жизни этого человека.

Судьба приготовила крепкому, подвижному, жизнерадостному от природы юноше жестокое испытание. В 1930 году студент строительного отделения индустриального техникума Н. Бирюков проходил практику на строительстве Дулевского фарфорового завода. И во время аварии — он первым бросился в ледяной поток, чтобы перекрыть воду. Сильное переохлаждение вызвало полиартрит, и затем окостенел позвоночник. Все это обрушилось на восемнадцатилетнего юношу.

Николая Бирюкова называли великим оптимистом, но даже эти слова не вмещали всей глубины его человеческого подвига. Потому что обреченный на полную неподвижность, он, как Николай Островский, тридцать пять лет вел ожесточенную борьбу за право быть в строю, и не просто в строю, а в его первой шеренге. Он заканчивает заочную Литературный институт имени М. Горького, институт иностранных языков. Он создает книги «Чайка», «Воды Нарыма», «Первый гром», «Вихри враждебные», «Твердая земля», рассказывая о судьбах героических, ярких. Он пишет сборники очерков и расска-

зов «На мирной земле», в том числе рассказы «На хуторах», «Авдеч», делает переводы с немецкого. Он живо откликается на все значительные события в стране.

Когда началось строительство Ферганского канала, Николай Зотович решается на путешествие по Средней Азии. На носилках, не обращая внимания на невероятные трудности, он объезжает 67 городов и поселков, с огромным энтузиазмом и интересом знакомится с героями строительства — представителями различных национальностей СССР, изучает их языки. Собрав обширный фактический материал, он готовится к созданию романа. Но только после окончания войны он смог осуществить свой план, создав «Воды Нарыма».

Мы осматривали просто обставленные комнаты, библиотеку, слушая рассказ Анны Ильиничны, разглядывая фотографии, вчитываясь в строки писем к писателю, и убеждалась, что до конца своих дней Николай Зотович не уступая страшной болезни, сохранял веселый, доброжелательный характер.

Вот фотография запечатлела болезненно отекавшее, но весело улыбающееся лицо полулежащего в кресле-коляске человека. Это Николай Бирюков на съезде писателей страны. Вот на носилках его несут к морю — Николай Зотович научился плавать. Вода оказалась ласковой землей, и он сильными взмахами рук мог удерживать равновесие. Рядом с кроватью в спальне-кабинете лежат гантели. Писатель еже-

дневно «оживлял» себя жесточайшей гимнастикой. Рядом на стуле — пишущая машинка: иногда он сам печатал свои рукописи, держа машинку на груди.

Стенды хранят многочисленные письма от читателей-фронтовиков. Своим «Чайкой» — произведением о жизни и подвиге Лизы Чайкиной, примером собственной судьбы, Бирюков вдыхал в людей веру в победу, любовь к жизни. Уже в мирное время первая женщина-космонавт Валентина Николаевна Терешкова взяла своим космическим «псевдонимом» слово «Чайка» — книга Бирюкова подсказала ей этот позывный сигнал. Бирюкову, лауреату Государственной премии, писали и зарубежные читатели: его книги были переведены на многие иностранные языки.

Дом Бирюкова всегда полон гостей, друзей. Николай Зотович был членом бюро писательской организации Крыма, в его кабинете проходили и заседания бюро, и сборы членов литобъединения. Смерть прервала его работу над романом о врагах «Второе сердце», материалы для которого он собирал десять лет.

Мы уже обошли весь дом, посмотрели все документы, письма, а уходить не хотелось: словно не отпустил от себя умный, жизнерадостный человек. Конечно, такую домашнюю атмосферу сумела сохранить Анна Ильинична Бирюкова. Педагог по образованию, она стала верным помощником, другом, спутницей жизни писателя. Конечно, это и она поддерживала

у Николая Зотовича состояние высокого духа, это ей он посвятил свой роман «Воды Нарыма», это ей до конца своих дней он доверял самое сокровенное.

Анна Ильинична сумела сделать Дом-музей центром воспитательной работы, центром пропаганды не только произведений Н. Бирюкова, но и литераторов, лауреатов премии имени Бирюкова, учредившей писательской организацией Крыма. Анна Ильинична путешествует, встречается с новым поколением читателей книг Бирюкова, выступает с лекциями. Недавно она была в ГДР, и с волнением рассказывала об увиденной там выставке, посвященной творчеству Бирюкова. Планирует создать в музее выставку переписки с современными читателями.

И, оставляя автограф на визитной карточке музея, Анна Ильинична живо заинтересовалась литературными северянами, расспрашивала о жизни на Севере, о творческих планах...

Мы вышли на улицу с веселым настроением. И тут нас встретило долгожданное чудо: во дворе музея на невысоком, похожем на нашу «стройную» каменную березу дереве бело-розово сияли нежные бутоны цветов миндаля.

И мы сохранили в памяти видение этих непривычных для нас вестников тепла. А, главное, мы словно увидели с собой частицу сердца мужественного человека — чтобы на жизненных перепутьях, когда нарушится душевное равновесие, вызвать в памяти образ великого оптимиста и переступить через беды, и вдохновиться.

Н. СЕЛИВАНОВА.